

84(2=411.2)6
Г72

Елена Гостева

На качелях времени

16+

16+

К 84(2=411.2)6-5
Г72

Елена Гостева

На качелях времени

СТИХИ

Центральная
городская библиотека
Абонемент

МБУ «Централизованная
библиотечная система»
Инв. № 104300/1-1)

104300001

Мегион ЦБ-КО

УДК 82-1

ББК 94

Г 72

Елена Гостева

На качелях времени: Стихи. — Тюмень: АО «Тюменский дом печати»,
2022. — 86 с.

ISBN 978-5-87591-370-9

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей

© Храпова Е.В., 2022

© Шайхулов Р. Н., верстка, дизайн обложки, 2022

Под диктовку времени

Когда идёт разговор о поэзии, невозможно отгородиться от чувств, вызванных прочитанными или услышанными строками. И осыпается сухим песком весь заранее продуманный настрой на якобы объективное и отстранённое рассуждение об особенностях поэтического мира того или иного автора, становятся неважными существующие правила и законы литературной критики как науки. На первое место выходит собственный внутренний голос, вступивший в резонанс с прочитанным, а потому честный и искренний. Всё это происходит, когда встречаешься с настоящей Поэзией...

Для меня лично каждое погружение в поэтическую правду Елены Гостевой давно уже стало не привычным, но нормой. Не единожды мы вместе с ней выступали с одной сцены, перед одной аудиторией, мне посчастливилось быть свидетелем и в некоторой степени соучастником выхода её первой и второй поэтических книг. Всё это вспоминаю, чтобы сказать о немимолётности своего знакомства с поэзией Елены. И вот, перечитывая рукопись новой книги «На качелях времени», невольно ловлю себя на том, что и давно хорошо знакомые мне отдельные стихотворения совершенно не потеряли своего качества новизны и обнажённости чувств.

У переживших в осознанном возрасте последнее десятилетие прошлого XX века никогда не сотрутся в памяти события и горькие особенности того времени. И не удивительно, что испытанную обществом боль многочисленных потерь, среди которых и такие монументальные, как уверенность в завтрашнем дне и даже смысл жизни, острее и ярче всех передали поэты.

В то непростое время Елена написала яркое стихотворение, которое смело можно предлагать для изучения в школьной программе истории и литературы.

«Россия - она не вокрут,
А — во мне,
Как песня и боль,
Как рассветное звонкое чудо;
И благовест чистый,
И трель соловья по весне
Вбираю в себя
И беречь,
И лелеять в душе своей буду»...

Не случайно именно этим произведением открывается книга. О том, как оно родилось, почему автор считает его важным, рассказала сама Елена Гостева: «Вот уже у поколения родившихся после развала СССР растут свои дети. Я же помню жизнь в Советском Союзе, а ещё крепче в мою память впечатались «лихие девяностые». Сначала пришла гласность, развал производств, безденежье и прочее, и прочее. Кто-то стремительно богател, но большинство моих знакомых еле сводили концы с концами. А вести отовсюду приходили всё более страшные. Дальнебойщики, отправляясь в рейс, не знали, вернутся ли живыми... Человек, проработавший на предприятии около 30 лет и попавший под сокращение, повесился на воротах предприятия, откуда его уволили... Гуманитарная помощь в виде мяса кенгуру и «ножик Буша»... Неужто то, что я наблюдала в те годы, было Россией? Не хотелось в это верить! — вспоминает Елена. — Как протест против того, что я наблюдала тогда, у меня родилась строчка: «Россия, она не вокрут, а во мне!..» Ныне, из 2022 года, мы уже видим, что Россия не погибла, и сегодня правильной было бы сказать: «Россия — она и вокрут, и во мне!» Но что написано, то написано».

Недаром, разбирая стихи Елены на семинаре молодых поэтов, ныне покойный поэт Николай Денисов высоко оценил это стихотворение. Он сказал, что поэты, сохраняя Россию в своих сердцах и в стихах, сберегают истинную Россию и помогают её возрождению.

Также неизменна уверенность Елены в том, что сохранить национальное самосознание народа России можно только при обращении к её духовным основам — православной вере, родовым корням и чистоте мировоззрения крестьянина-труженика, ибо:

«Хлеба должны созреть,
Должно стать крепким семя,
Коль недоношен плод,
Ущербной будет жизнь;
Без крыльев не взлететь
Орленку — нужно время:
Взрослей, и в небеса

По праву сильных — рвись!»
(«Хлеба должны созреть...»)

Притяжение родной земли в исторической памяти русского человека прорастает из ощущения собственной принадлежности к тем, кто плоть и кровь от земли — крестьянству. Особенно, если родился в деревне. И потому крестьянская правда в сознании русского человека для нас остаётся просто Правдой и тем Истинным Законом, которому необходимо следовать. Чтобы жить — надо дарить любовь земле, холить и лелеять её, и тогда не только вырастишь хлеб, но и сам возмужаешь и станешь настоящим человеком. Но никто не защищён от испытаний. Внешние действовавшие длительное время неодолимые силы привели к исходу крестьян в города на протяжении всего 20-го века, что породило новую трагедию и печаль. Об этой печальной для России тенденции — в стихах «А давай-ка пройдем пешком...», «В почерневшем старом доме...», «Печаль о доме...».

«...Никакая из дорог
не вернет хозяев дому.
Только призраки придут,
паука прогнать не смогут,
пыль с окошек не смахнут.
Их невидимые пальцы
тронут выцветший альбом.
И застонет, и заплачет
ветер в раструбе печном...»
(«В почерневшем старом доме...»)

Однако Елена не теряет надежду на то, что заброшенные поля снова будут распаханы, и там будут вызревать хлеба, а на лугах будут пастись стада. Возродилась Россия, и вместе с ней обретет новую жизнь и деревня.

«...Ну а если придём туда,
Где поля обижены,
На отавах пасут стада —
Травы вовремя скошены,
Где пропахли насквозь смолой
Разулыбые плотники,
Там попросимся на постой
Да наймемся в работники.»
(«А давай-ка пройдем пешком...»)

Основная мысль второго раздела книги логично прорастает из стерж-

невых идей первого. Поэзия рождается на почве, возделанной с особым тщанием, политой потом непростого жизненного опыта и засеянной особыми семенами порой противоречивых, но, несомненно, ярких и настоящих чувств и переживаний. Например, в размышлениях о дочерях и их судьбах — настоящая понятная всем тревога. В другом стихотворении автор с неким грустным юмором повествует о собственной усталости и заурядных житейских мечтах об отдыхе на море, и обыденность, облаченная в поэтические строки, становится ярче, возвышенней. А старые зеркала, которые хранят, но не раскрывают свои тайны, кажутся волшебными, и их матовый блеск становится только более заманчивым.

Тысячи раз была права Анна Ахматова в своих строках «Когда б вы знали, из какого сора/ Растут стихи, не ведая стыда...». Только сор этот священен, и у каждого поэта в тайнике хранится сундучок, чердак или чулан, в котором, не дай Бог, кто-то посторонний надумает произвести уборку, чтобы найти и высчитать причину рождения того или иного стиха. На то, что можно доверить всем, поэт обычно просто намекает.

У Елены эти намёки можно увидеть практически в каждом стихотворении. Только следует помнить, что это будут те строки, с которыми вступило в резонанс именно ваше второе «Я», а посему для каждого читателя они особенные, свои. Я же привожу здесь именно те, которые отозвались во мне собственным выплеском чувств и размышлений.

«Жаль, но не только в феврале
Нам, слабым, есть о чём поплакать
На сплошь зареванной земле...»
(«Февраль. Достать чернил и плакать...»
Борис Пастернак)

«В поезд мне б, хоть на верхнюю полку,
Чтоб листать километры, листать,
Словно книгу!.. Увы, втихомолку,
Как о чуде, о море мечтать...»
(Белые ночи)

«А за окном фейерверки расцвели
Небо ночное на десять минут.
Радость и горе и в этом столетии,
Рядышком, словно соседи, живут...»
(«Прочь, суета и все мысли досужие!..»)

Третья глава книги печальна и преисполнена болью. Зная Елену, могу только сказать, что это абсолютно честные, прожитые её душой строки. Отбросив все лишние условности поэтических допущений и традиционно предъявляемых требований к некоей образности, она создала в этой главе до предела сконцентрированное чувство боли за происходившее и до сих пор происходящее с Россией.

«Я не играю роль!
 Многие тысячи
 мне завещали боль.
 Мне её — выкричать,
 мне её — выплакать
 надо за них,
 для их
 душ неприкаянных...»
 (Плач)

Можно, конечно, сказать, что сегодня Россия другая, а эти стихи уже принадлежат ушедшему времени. Но весьма интересен тот факт, что Елена опирается часто на строки русских поэтов, ставших классикой, раскрывает новые грани их смыслов, подтверждая, что настоящее — не устаревает, а всегда будет нести смысл, идею, чувства и поэтическую правду.

И ещё к одной мысли меня привела эта глава. Чувствовать боль своей Родины — удел истинного поэта, свойство скорее врождённое, чем приобретённое, либо привитое на таком раннем уровне детства, когда оно становится таким же безусловным, как любовь к родителям. Априори. Безоговорочно.

Воспитываются ли сегодня эти чувства в самом юном поколении? Сложно сказать. Но, коль уже слова произнесены, они будут нести в себе тот заряд истины и правды, которую поэты знали и прожили.

«Я жадно вглядываюсь в лица
 Идущих встреч.
 Пусть с лиц чужих нельзя напиток,
 А мне б сберечь,
 Постигнуть, что таят их взгляды:
 «Да всё путём!»...
 («Я жадно вглядываюсь в лица...»)

Самая пронзительная и, может быть, самая понятная для любого читателя в этой книге — четвёртая глава. О Любви.

Об удивительно тонких нитях, что могут соединить мужчину и женщину, двух поэтов, стать основой для плетения магических слов-заклинаний.

«Об одном прошу тебя: «Будь!
Пусть не рядом, но где-нибудь
Здесь, под небом лазори нежной,
Средь лесов зеленых иль снежных»
В бедах, радостях бытия
Об одном заклинаю я:
«Будь! И пусть от меня вдали,
Ты мне нужен поверх земли!»...
(«Об одном прошу тебя: «Будь!..»)

Слова вырываются сами, не поддаются никаким условностям и настолько осязаемы, что и «огонь, опьяняющий, низовой...», и «...связаны мы и не ниточкой — лучиком / волоса тоньше ...», и «жить по закону вдов» становится и для читателя собственным ожогом на душе. А земная любовь превращается в бесконечную молитву к Богу с одной-единственной просьбой:

«Только бы в жизни той
больше он не страдал!..»
(«Сорокоуст»)

Эта глава настолько личностная, интимная, что кажутся совершенно неуместными какие-либо её интерпретации.

Зато скрытое до поры чувство магии этого мира выплёскивается в следующей главе. Стихи, собранные в ней Еленой, писались в разное время, но, собранные вот так, вместе, в одну главу, они погружают в древние, ещё дохристианские истоки славянского мировоззрения. И нет в этом налёта современной фэнтезийности, но есть пробившийся сквозь множество поколений голос предков.

«С души моей сорвали кожу,
Она — нагая, но не смей
Мне говорить, что я похожа
На сумасшедших. Все сильнее
Я чувствую на расстояньи
Биение людских сердец,
Чужую радость и страданье,
Словно дыханье Бога жрец.
Душа страдает от вторженья

Чужих мне дум, но не солгу
Оголена, под напряженьем,
И ваш покой взорвать смогу».
(«С души моей сорвали кожу...»)

Специально не использую расхожее понятие «литературный герой», потому как во всех своих стихах Елена Гостева выражает именно себя, именно свои мысли и чувства и, кажется, не признаёт метод «взгляда со стороны». Всё прожитое благодаря силе её слова отзывается такими же искренними и настоящими чувствами, открывая в читателе способность к со-переживанию, со-чувствию и даже со-творчеству. И потому совершенно логична завершающая глава этой книги о месте и роли поэта в этом мире.

«Я знаю, все беды б минули,
Мне б только разумней жить,
Да вот стихи горлом хлынули,
Нет сил их остановить...»
(«Я знаю, все беды б минули...»)

Эта глава весьма значительна для понимания всей книги в целом. Она как эпилог к глубокой философской повести о жизни поэта, исполненной боли, печали и любви.

Татьяна Юргенсон, член СПР

*«Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве...»*

Николай Мельников

***

Россия — она не вокруг,
А — во мне,
Как песня и боль,
Как рассветное звонкое чудо;
И благовест чистый,
И трель соловья по весне
Вбираю в себя
И беречь,
И лелеять в душе своей буду.
Пусть я лишь частичка
Великой России моей,
Но каплей росы
Я храню в себе неба безбрежность,
Печаль незабудки
И золото спелых полей,
И бабьего лета щемящую,
Тонкую нежность.
И вижу:
Завесу из тьмы
Свежий ветер пробьет,
И век золотой воцарится
Под звездною сферой!
А кто говорит, что погибла Россия,
Тот — лжет,
Тот сам потушил в своем сердце
Надежду и веру.

***

Т.Ю.

А давай-ка пройдем пешком
Накануне уборочной
С лёгким дедовым вещмешком
По дороге просёлочной.
И проверить бы,
И боюсь:
А жива ли крестьянская
И работная прежде Русь
Или вымерла, пьянствуя.
В стороне от больших дорог
Сплошь следы запустения,
Редко старенький тракторок
Бродит в прежних владениях.
Лопухи озверело прут,
Где стояли часовенки,
А на спусках к реке гниют
Отслужившие сходенки.
Где паломники раньше шли,
Где скитались колодники,
Мы взыскуем святой земли —
Чьи незнамо угодники.
Ну а если придём туда,
Где поля обихожены,
На отавах пасут стада —
Травы вовремя скошены,
Где пропахли насквозь смолой
Разулыбые плотники,
Там попросимся на постой
Да наймемся в работники.

НОЧЬ

Ночь за окном.
Деревья спят, и спят машины.
Усталый ветер
Задремал в ветвях крушины:
Ему, возможно, море пенистое снится,
И он, ворочаясь в листве, качает птицу,
Что тоже спит,
В крыло уткнувшись клювом тонким, -
Ей через час встречать рассвет
Напевом звонким...
Вдали, в тайге, не спят взлохмаченные совы,
Они с опаской ждут луч солнца золотого,
От света спрячутся под сень дремучих елей.
...Как мерно двигаются времени качели:
От света к тьме,
И от зимы — к шальному лету.
И, слава Богу, в этом ритме сбоев нету!

***

У кромки небес на восходе,
Где застил туман синеву,
Усталые ангелы бродят
в росе, не сминая траву.

Окутан надмирным покоем
Ещё не проснувшийся лес,
Но скоро взойдёт золотое
И брызнет лучами с небес.

На все голоса день восславит
Пичужек ликующий гам.
А ангелы, крылья расправя,
Отправятся в мир
По делам.

ПОДЛЕ ЦЕРКВИ

Подле церкви каменной, обшарпанной,
Превращенной в шумный сельский клуб,
Сверху плит, столетиями зашарканных,
Был поставлен неказистый сруб —
Просто лавка — будни магазинные.
Шутки злые: «Счастье — не в жратве»
В очереди тягостно-резиновой
Ходовой товар — «Три шийсят две!»*
Но не вечна служба для увечного,
Склад сгорел без чьей бы то вины.
Копоть от пожара быстротечного
Не отмыта с каменной стены.
Обгоревший сруб осел, осунулся,
Спрятался в густые лопухи.
...Вот бы век двадцатый рядом бухнулся
На колени — замолить грехи.

* — В СССР 3 руб.62 коп. стоила бутылка водки

В ХРАМЕ

— Тысячи трепещущих свечей
Воздух терпким ладаном пропах.
Горя нескудеющий ручей,
Сгорбленные старицы в платках.
Ценит жизнь расчетливость и прыть,
Ну а здесь — скопление разных драм,
Словно все, кто не умеют жить,
В страхе осаждают Божий храм.
И какой замаливают грех
Нищие, калеки в сём дому?
Коль здесь люди к Богу ближе всех,
Что же столь убоги, не пойму?

— Сыне, знать, душа твоя во мгле,
Стержня веры ты не ощутил:
Ведь сокровища не на земле
Сам Господь собирать всех нас учил.
Ненадёжен наш успех земной,
А души бессмертной путь далёк,
Понесешь с собою в мир иной
Только свет, что ты в душе сберёг.
И гордыню лучше усмирить,
Поклонись-ка Божьей той рабе,
Чтобы не умеющая жить
Тихо помолилась о тебе.

***

В почерневшем старом доме
люди больше не живут,
Всё и вся застыло, кроме
пауков, что сети ткут.
Вот он - сумеречный житель,
суетливый восьминог,
здесь теперь его обитель.
Никакая из дорог
не вернет хозяев дому.
Только призраки придут,
паука прогнать не смогут,
пыль с окошек не смахнут.
Их невидимые пальцы
тронут выцветший альбом.
И застонет, и заплачет
ветер в раструбе печном.
Но почует пёс безродный
из соседнего двора
дух погибельно-холодный
и провоет до утра.

Центральная
городская библиотека
Абонемент

МБУ «Централизованная
библиотечная система»
Инв. № 104300/1-11

ПЕЧАЛЬ О ДОМЕ

Раз в два года приезжала тётя
и задумчиво бродила по деревне.
Шла на берег или к старой бане,
или к заколоченному дому —
подались соседи в города.
Я глазами маленькой девчонки
наблюдала, недоумевая,
отчего так тётушка грустит?
Ныне вот — сама немолодая
поняла я папину сестру.
В радостной печали побродила б
по давно покинутой деревне,
прислонилась бы к шершавой липе,
на скамейку бы присела рядом,
чтобы оживить воспоминанья...
Только ехать некуда. У дома
Отчего уж провалилась крыша,
и родителей давно там нет...
Нет соседей, и упала липа...
Тётушка счастливее была.
Ей себя корить не приходилось
в гибели взрастившей нас деревни,
думать, думать: если б я осталась,
ведь и дом, наверно бы, не сгнил...

СОСЕД-ФРОНТОВИК

Спать бы ещё, сладко спать, но плеснула печалью тальянка, —
Это сосед-фронтвик, он привык всех будить спозаранку.
Старый один, словно перст, здесь жильё получил самым первым.
Не на работу ж ему, вот и треплет соседские нервы.
Самозабвенно выводит «Дороги», «Катюшу», «Смутлянку»,
Песню о том, как шофёр крепко держит баранку...

В зимние ночи и дни старый дед никому не мешает:
Лишь для себя, взаперти, на гармошке играет.
А потеплело, и вот — он с утра во дворе под окошком;
Миска у ног — вынес суп приبلудившимся кошкам.
Но — чей-то крик: «Дай поспать!» И его прокурорское слово:
«Ишь, разленились, привыкли на всём-то готовом!
Думают, я нуль без палочки, та же баранка, не больше?
Видели б вы, как я шёл, кем я был в Беларуси да Польше!»

Горбась, плетётся домой — руки, ноги трясутся.
«Был-то герой, а сейчас надо мной и старухи смеются!»
Чаю нальёт не спеша, в нём размочит сухую баранку,
Вновь забурчит: «Что за жизнь? Нынче всё наизнанку!
Спят до обеда, а в ночь так орут, голосисты!
Ну-ка, открою окно да сыграю ещё про танкистов!»

ОСЕННЯЯ ДОРОГА

Мокрый асфальт впереди
По-зеркальному гладок,
Жухлые травы обочин вжимаются в землю.
Поздняя осень...
Тайга, словно нищий, — в лохмотьях.
Последние листья, упрямые,
В ветки вцепились,
Они не желты, а буры
И к зиме почернеют.
Сучья, как пальцы старухи, —
Темны, узловаты,
В небо — промозглое, тусклое — кажут,
Мол, помни о Боге!
Пятнами крови на чёрном,
дождями умыты, рябины...
Как много здесь нынче рябины!
К лютой зиме
Иль каким-то другим передрягам?
...Угрюмый водитель,
прищурясь, глядит на дорогу.
Потом улыбнется и скажет,
(меня иль себя убеждая?):
— Ведь нет гололёда,
Доедем нормально...

***

Хлеба должны созреть,
Должно стать крепким семя,
Коль недоношен плод,
Ущербной будет жизнь;
Без крыльев не взлететь
Орленку — нужно время:
Взрослей, и в небеса
По праву сильных - рвись!

***

Мы здесь не святые, нет,
А принимаем муки
Только за право жить
В прекраснейшей из земель —
Любимейшей у небес.
А Бог с любовью не шутит:
На Русь лишь избранных шлет,
Но кто-то — их палачей...

КОЧЕВЬЯ

1.

За солнцем в погону — на запад, на запад —
Катилась одна за другою орда.
И были, как вежи, костры-города,
И степи хмелели от конского храпа.

Но время, как в сите, в безумстве кочевий
Народы просеяло: были — и нет
И гунны, и обры. И новый рассвет
Не знает их буйных кровавых мистерий.

Так мчались за солнцем или в никуда?
В столетья спрессованы дни и года,
И в новую эру сложились столетья.
И разве монах-летописец ответит,
Пропали куда, не оставив следа,
Разбитых кочевников слабые дети?

2.

А вирус кочевий потомки номадов
Рассеяли щедро в народах других.
Пусть конницы топот в равнинах утих,
Немолчно гудят и гудят автострады.

Хоть крылья, колеса — не кони и ветры,
Европа затянута сеткой дорог,
Толкает людей неуступчивый рок
Листать торопливых путей километры.

Но что бестолковые наши скитанья
В сравнении с бурной единой ордой?
Разбавлены вина пустою водой,
Унылые всхлипы - взамен причитаньям.
Мельчают удачи, любовь и страданья
В сумятице дней с глупой их суетой.

*«Когда бы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...»*

Анна Ахматова

***

«Февраль. Достать чернил и пла-
каты...»

Борис Пастернак

«Февраль. Достать чернил и плакаты...»
Вольно же было так изречь!
А тут сентябрь — ветра и слякоть,
И крыша снова стала течь.
Здесь плачут все: дома, деревья,
Я - пред заплаканным окном,
И кошка мокрая за дверью,
И школьник толстый за углом.
Наверно, в класс идти не хочет,
Но и домой пока нельзя;
Обиженный, гримасы корчит,
Кому-то кулаком грозя.
Мне жаль мальчишку-бедолагу,
Листву, что ветер разбросал,
Жаль кошку, даже жаль бумагу,
На коей классик написал:
«Февраль. Достать чернил...»

Ну, словно

В другое время нет причин
Для слез, бегущих своевольно!
А впрочем, кто поймёт мужчин
И эту фразу Пастернака?
Жаль, но не только в феврале
Нам, слабым, есть о чём поплакать
На сплошь зарёванной земле.

***

Там,
на уровне моих
глаз,
За окном ночной фонарь
гас.
Ночь прошла,
А мне всё сна нет,
Стерегу я фонаря
Свет.
Здесь, на уровне моих
Дум,
От бессонницы в ушах
Шум,
От бессонницы в мозгу —
Бред.
Даже стены мне кричат:
«Нет!»
Сколько ж нужно
Пропустить снов,
Чтоб понять язык
Ночных сов?

БЕЛЫЕ НОЧИ

«Двадцать первое... Ночь... Понедельник...»

Анна Ахматова

«Двадцать первое... Ночь...» Но — суббота...
Упорхнули сторожкие сны.
Через сутки опять на работу,
На подъём ВВП и страны.
Все свихнулись на этих трёх буквах,
Мне ж от них — ни покрывшки, ни дна.
Вон с тревогой рассеянно-смутной
Бледнолицая смотрит луна.
В побелевшем застиранном небе
И светило ночное, как тень.
К югу, к морю отправиться мне бы!
Там уж ночь — это ночь, день — так день.
Северянке с синюшною кожей,
Там упасть бы на жаркий песок,
На лучами обласканном ложе
Поваляться хотя бы часок
Без движений и дум, все заботы
Отдавая беспечной волне, —
Ей не в тягость. Людских бед без счёту
Утопила она в глубине...
Мне б подняться на гору Ай-Петри!
Как вольготно над ней облакам
В тёплом, йодом пропитанном ветре!

Жаль, что Крым нынче не по деньгам.
Север осенью вновь собирает
Отпускниц загорелую рать,
И цыплят во дворах посчитают,
Ну а я что же буду считать?
В поезд мне б, хоть на верхнюю полку,
Чтоб листать километры, листать,
Словно книгу!... Увы, втихомолку,
Как о чуде, о море мечтать.
Ни загара, ни стильных прикидов,
Ни рассказов о встречах в купе,
Чтоб не скиснуть совсем, хоть для вида
Остается считать ВВП...

***

«Друг друга отражают зеркала».

Георгий Иванов

«Друг друга отражают зеркала»,
Им все равно: льстить нам или конфузить,
Красотка иль старуха подошла.
То нам комфортней жить в плену иллюзий,
Воображать, что зеркала — друзья.
Но погляди в старинные, в той зале,
Где статные гусары и князья
Красавиц модных лестью развлекали.
Ничьё лицо они не возвратят
Из прошлого, а холодно, послушно
Отобразят лишь твой смущённый взгляд,
И твой уход воспримут равнодушно.
Ну а о чём мечты самих зеркал?
О том ли, чтоб ушли все из их круга,
Чтоб им уже никто не помешал
Величественно отражать друг друга?

ВИРУС

Вирус друзей разогнал.
Один греюсь я у камина
В колких объятьях простуды
И вязкого сплина,
И нет желания даже рукой шевельнуть.
Мысли, как рваные нити.
Собрать воедино
Их не могу, а в мозгу — дикий сюр!
Ну а воли — ничуть.
Запах черёмухи терпкой,
Малины, корицы и тмина...
И головёшек — их надо бы поразбивать...
Пламя играет на гранях хрустальных графина...
Старой настойки на ягодах цвета рубина
Выпить, пожалуй,
Да после отправиться спать...
Но нету сил ни на что —
Ни подняться с подушек,
Ни потянуться за добрым тягучим вином...
Заворожённо следить за огнем
И расслабленно слушать
Только огонь!
И забыть, и забыть обо всём...

***

И только небо здесь то же самое,
Как сто и тысячу лет назад.
Туч караваны в поисках гавани
Над нами, смертными, вдаль летят.
Но тучья жизнь ещё быстротечнее,
Неповторим каждый солнца блик.
Так в рассужденьях о бесконечности
И небесах я зашла в тупик...

МАСЛЕНИЦА

Солнце сковородкой для блинов —
Раскаленной — катится и дразнит:
«Где же тесто? Раз — и блин готов!
Не ленись!
Пусть будет блинный праздник!

***

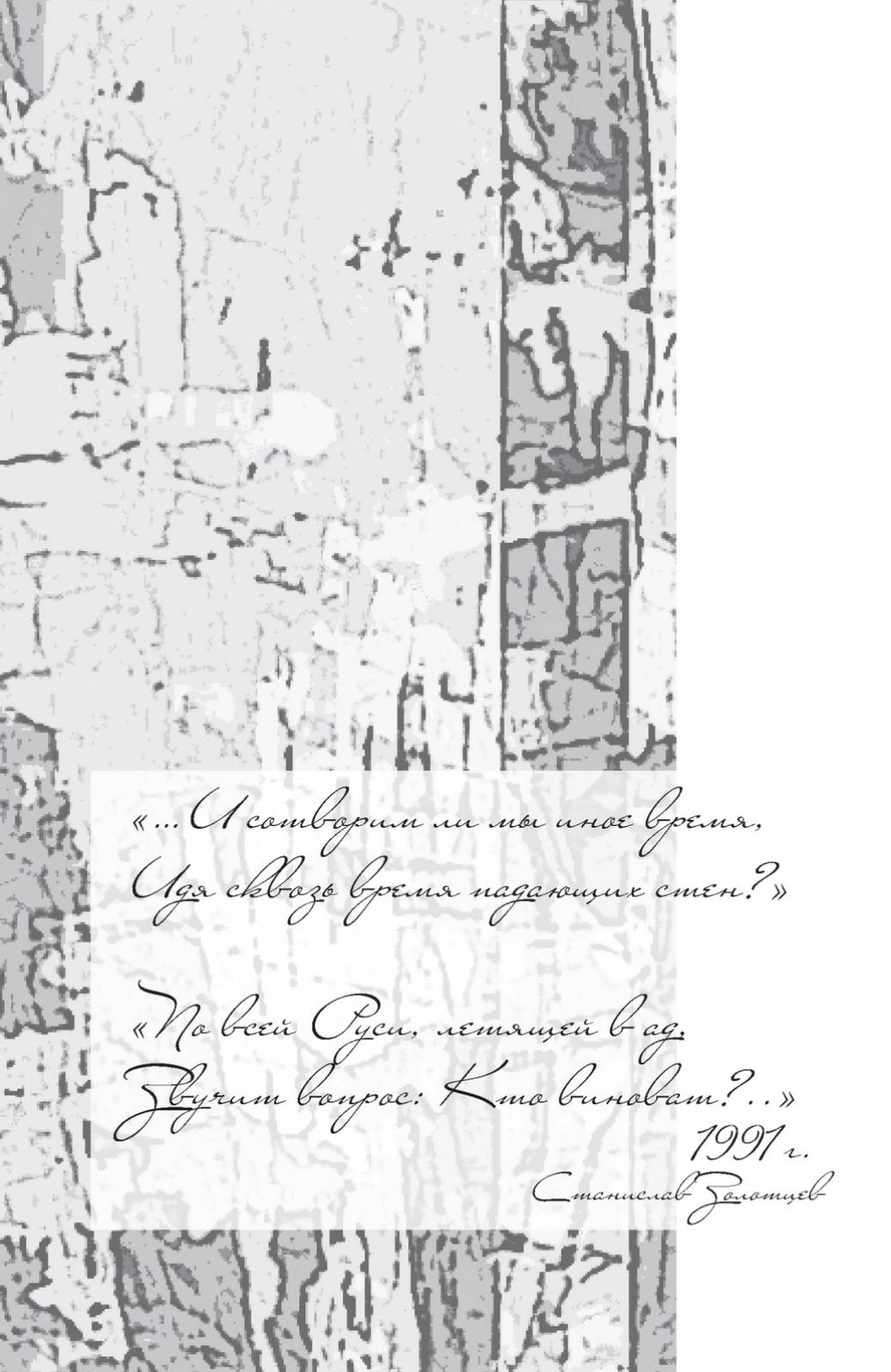
Поздний вечер иль утро раннее...
Даже ветер-гулёна стих.
Вот к двери прикрепил послание
Средней дочки моей жених.
Мол, не бойтесь за детку-кровушку,
Я в обиду её не дам.
И увел к соловьям-зазнобушкам
Под черёмуховый дурман.
Парень, вроде, хороший, искренний,
Только что за судьба их ждёт?
И молюсь, и смотрю всё пристальней
В потемневший от лет киот.
Помолюсь перед ликом Божиим,
Да в укор себе прошепчу:
Если б за детей не тревожилась,
Ведь забыла б зажечь свечу...

***

Звезды напоточили
На подушки свет.
Вот и младшей дочери
Восемнадцать лет,
Восемнадцать весен...
Ой, не кличь беду!
Где-то девку носит,
Я в тревоге жду...

***

Подосиновиков нет в том осиннике,
Подберёзовиков нет в березняке.
Нынче Яков и Фома именинники,
И плывёт шуга по стьлой реке.
А вода густа: молозиво — в озере!
На закраешках схватился ледок.
Воздух в ночь одну насквозь проморозило,
Вдох и выдох, как белесый дымок.
И тропинка вдоль межи стала плотненькой,
И трава хрустит, как ягель лесной.
В лес идут не грибники, а охотники,
Не с корзиной, а с ружьём за спиной.

«... И сотворим ли мы иное время,
Идя сквозь время падающих стен?»

«На всей Руси, летящей в ад,
Звучит вопрос: Кто виноват?..»

1991 г.

Станислав Золотцев

ПЛАЧ

Я не играю роль!
Многие тысячи
мне завещали боль.
Мне её — выкричать,
мне её — выплакать
надо за них,
для их
душ неприкаянных.
Режет вам слух мой стих —
лишку отчаянья?!
Знаю!
Но сколько их,
жизни не видевших,
в схватке с лихой бедой
просто не выживших:
мальчиков, сгинувших
в годы меж войнами,
вместо поминок им —
песни нестройные.
Девочки юные:
очи — дырищами!
Руки исколоты,
души — похищены.

Разбогатели мы
ныне погостами.
Сколько загубленных
в те, девяностые!
И вековечный лес
просит спасения —
вдоль автострад он весь
в захоронениях!
Щедро плескал палач
русскую кровушку.
Небо над лесом, плачь!
Плачь, чисто полюшко!

***

Я жадно вглядываюсь в лица
Идущих встреч.
Пусть с лиц чужих нельзя напиться,
А мне б сберечь,
Постигнуть, что таят их взгляды:
«Да всё путём!»
Но голос дрогнет: «И награды
Уже не ждём»
Обронят пару фраз о деле
И — прочь скорей.
А раньше до рассвета пели
В кругу друзей,
Владели вместе целым небом
И всей землей,
Страх пред жизнью был неведом
В семье большой.
Сейчас все врозь: и в душах — иней,
С оглядкой речь,
И распрямить не могут ныне
Согбенных плеч.
Негромкий шепоток: «Проблемно,
Проблемно жить.
Опять придется ночью-денно
Пахать-ломить».
Пахать-ломить за скудный ужин,
За нищий кров,
А тот простужен, тот — контужен,
Всем — не до слов.
А мимо — в джипах, мерседесах
С канар и мальт
По жизни мчат тяжеловесы,
Гнетут асфальт.

В ПОИСКАХ БОГА

Исповедь участника Чеченской войны

Октябрятскою звездочкой детство моё
Освещалось, но звёзды неожиданно погасли.
Вместо жизни для нас началось — житие,
В нём, как в пекле, два цвета — лишь чёрный и красный.
Прогремело: воздастся вам всем за грехи,
Награждает Господь лишь смиренных и стойких.
И дороги, как глотки голодных стихий,
Поглотили нас, Божьих рабов перестройки.

И — мальчишки — искали мы Бога в пути,
Вот погоны легли на окрепшие плечи.
Мы мечтали: чем дальше и дальше идти,
Сам Господь к нам в сиянии выйдет навстречу.
В паровозном чаду и дорожной пыли
Озирались пытливо на всех полустанках,
А навстречу в закрытых вагонах везли
Неопознанных, преданных армий останки.

В сей войне, кто есть друг, а кто - враг, не пойму,
На словах все вокруг лишь за дружбу народов.
Лейтенант наш не верит уже никому:
Он «двухсотых» отправил отсюда с полвзвода.
И отныне искали мы Бога в боях,
Кровь и пот вместе с грязью в окопах месили,
А подлюка-штабист с кем-то там на паях,
Продавал новобранцев бандиту Шамилю.

Всем нам «броники» вместо нательных вериг.
Не забыть ни за что той жестокой науки,
Как рыдал безутешно седой фронтовик,
Умоляя спасти в плен попавшего внука.
Где же ты, наш Господь, где мученьям предел?
Или ложную вновь мы избрали дорогу?
Что-то понял мой друг, но сказать не успел
И с улыбкою светлой отправился к Богу...

Может быть, это глупо — всё время искать
Справедливого Бога на поприще смерти.
То хочу на колени с молитвой упасть,
То вопить во всё горло: «Не верьте! Не верьте!»
Но вдруг вражий снаряд просвистел и у ног
Грохнул оземь с шипеньем и — не разорвался! —
Прошептал наш сержант: «Видно, есть всё же Бог,
Мать-то молится, верит, а я сомневался...»

НА ПЛОЩАДИ МИНУТКА

«Уходит в ночь мой траурный трамвай»

Борис Чичибагин

«Уходит в ночь мой траурный трамвай»
Под всхлипы ветра — горе побеждённым.
Никто не машет вслед рукой: «Прощай!»,
И не зажжёт свечу с земным поклоном.

А за спиной уже горят мосты,
И пламя лижет старые бараки.
Жуть ненадземной адской красоты,
И тонет свет в кроваво-сером мраке.

Друзья заждались там, в небытии,
Я сделал всё, что мог, и даже больше.
Везучие ровесники мои
Пытаются пускай пожить подольше.

«Уходит в ночь мой траурный трамвай» -
Мы эту песню пели под гитару
Сто лет назад в черёмуховый май
и разбредались, разделясь на пары.

С восторгом струны я перебирал,
Давным-давно. Вся жизнь, как злая шутка...
...Без причитаний тихо умирал
Простой солдат на площади «Минутка»*.

*- площадь в Грозном, где во время Чеченской войны шли жестокие бои

ПИСЬМО В КАЛИФОРНИЮ

Марине

Пишешь:
у вас — жара,
И у тебя — мигрень.
Ну а у нас ветра,
Снег и пуржит весь день.
В Пасху была весна,
Духом воспрял народ,
Только Борей без сна
Новую стужу шлёт.
Западная Сибирь:
В мае опять зима
Строит и ввысь, и вширь
Снежные терема.
Твой океан теплей,
Но не об этом речь.
Главное, ты сумей
В доме любовь сберечь.
Дай Бог, не знать потерь,
С миром в согласьи жить.
Дочке твоей теперь
Три языка учить...
Будь её путь открыт,
Будь её даль светла,
А в небесах, как щит,
Ангела два крыла.

Свидимся ль, мой кумир?
Я ведь не соберусь...
Там, у тебя, — весь мир,
А у меня здесь — Русь!
Здесь ли наметил Бог
Место под Страшный суд?
Не уточнил пророк
Даты конечных смут.

Худ, недоверчив, лют
С голоду и утрат
Вновь неимущий люд
Ищет: «Кто виноват?»
Выпуски новостей
Снова полны тревог.
Схватку идей-страстей
Нам уготовил рок.
Эти зовут на бой
Против любых господ,
Те — на борьбу с чумой,
Третьи — на Крестный ход...

Грустный прости ответ
И настроенье-хмурь.
Солнца всё нет и нет,
В голову лезет дурь...
Если бы мне читать
Только твои стихи,
И не слышать, не знать
Наших вестей лихих!

***

Прочь, суета и все мысли досужие!
Перед иконою гибнет свеча.
Видишь — рванулась, взметнув полукружие
Пламени яркого, словно крича.
Свечка, твое поминальное знаменье
Расшифровать тщетно силится мозг.
Миг — и потухла, и нет больше пламени,
Лишь почерневший расплавленный воск...

А за окном фейерверки расцвели
Небо ночное на десять минут.
Радость и горе и в этом столетии,
Рядышком, словно соседи, живут...

***

«Жизнь — обман с чарующей тоскою»

Сергей Есенин

«Жизнь — обман с чарующей тоскою»
Чуешь? Черти чертят чертежи.
Чают: всё живое, всё людское
Черною тоскою окружить,

Окружить, опутать, обездолить,
Погрузить в унынье и печаль,
Чтобы подчинённый чуждой воле
Божий свет совсем не замечал.

Чёрный человек из ниоткуда
Ближе всё, вот за руки берёт,
Чёрный человек из ниоткуда
Льстиво речи черные ведёт.

Чу! Ты чуешь едкий запах серы,
Злобный хохот и звериный вой?..
Пропитались стены Англетера
Жуткою тоскою горевой.

ОТПУСК В АБХАЗИИ

Берег морской... Кафешка...
Музыка и печаль.
Здесь и орлы, и решки,
И никого не жаль.
Горе волною смыто,
Только горчит вино.
Прошное позабыто,
Будущее темно...
Все здесь изображают
Выпукло смех и боль,
Я и сама играю
Чью-то чужую роль.
Тенор седой с акцентом
Сладкие грёзы шлёт
В песнях про Сакраменто,
Жанну и самолёт.
Вторит ему шалава,
Но не поёт — визжит.
А у соседа справа
Изрешетили джип.
Там, говорят, обойму
Выпустил АКМ.
А в остальном — спокойно,
На` море без проблем.
Утром прибой неласков,
Солнце в разрезе скал.
Это, увы, не сказка,
Пули - не виртуал.
Здесь, словно маски, лица,
Воздух и тот чужой.
Вновь стал мне север сниться,
Значит, пора домой.

*«Любовь! Любовь!
И в судорогах, и в гробе
Насторожусь - прельжусь -
слущусь - рванусь.
О, милая! Ни в гробовом судробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь...»*

Марина Цветаева

***

«Мне нужно на кого-нибудь молиться»

Булат Окуджава

«Мне нужно на кого-нибудь молиться».
Моя ущербность в этом или нет?
Я в ликах разглядеть пытаюсь лица —
Простые, человечьи. Горний свет
Непостижим и кажется холодным,
А хочется доступности, тепла...
Да есть ли дело до меня сегодня
Святой, что тыщу лет назад жила?
Она далёко, мне б найти поближе
Родную душу. А мои грехи
На чётки небожитель пусть нанижет,
К ним заодно причисля и стихи.
Мне нужен человек на роль святого,
Чтоб суп ему варить и печь блины,
Такой, с кем о любви мирское слово
и жест фривольный не были б грешны.
Ханжами этот образ обесчещен,
Для них безгрешной слыть — так жить одной.
Но мир наш создан для мужчин и женщин,
И для детей, что от любви земной.

ОСЕННИЙ РОМАНС

Мы с тобой неспешно бродим
По осенним тротуарам,
Ворошим воспоминанья и опавшую листву,
Отдавая дань природы
Обаятельнейшим чарам,
Воспеваем колдовскую столь земную красоту.
Эти чары тем дороже,
Что, увы, недолговечны,
Что, увы, не за горами время первых холодов.
Ты уйдёшь, ведь ты — моложе
И с зимою не обвенчан,
Ну а я себя утешу перечёркиваньем строф.
А пока что бабье лето
Нас с тобою привечает:
Ярки краски, сладки ночи, дни приятны и чисты,
Мы пока поём дуэтом,
Ну а капельки печали,
Как перчинки многоточий, добавляют остроты.

***

Кроме
Запертых комнат —
Сердцу в них слишком тесно! —
Кроме признаний томных,
Кроме фаты невесты,
Всей Вашей жизни кроме,
Где для меня нет места?!
Я ли мешала жить Вам?
Я ль не ждала смиренно?
Каждый отлёт-отпальтё
Мне леденили вены...
Что же, мой друг, итожа,
Ваше и всё, что кроме,
Знайте: тоска не сложет,
Но обещаю помнить.
Кроме
Глаз отлюбивших
Много иных созвездий.
Может быть, Вы — не лишней,
Но навсегда в отъезде.

***

Из слов не нужно городьбы.
Случайность, чей-то сглаз
Или решение судьбы
Нас развели в тот раз?
Не всё ль равно? Как дымка, грусть
Развеется, поверь.
Я по два раза не стучусь
В одну и ту же дверь.

***

Никуда не укрыться от
Купидоновых жарких стрел,
Не сыскать в сём пожаре брод.
Он... Он та-а-ак на меня смотрел!
Я познала, каков огонь
Опьяняющий, низовой.
Разум просит: «Не тронь!»
«Тронь, тронь!» —
Стонет эхо над головой.
Будут слёзы, боль, чёт-нечёт,
Но всё лучше, чем стынь и мрак.
В вихрях пламени сила, взлёт,
Отгоревшие — просто шлак.
Мне ни в вечер, ни поутру
Нет минуточки для души.
Что хочу, я не разберу —
Целовать или задушить.

Вот когда опаду золой
На завалинку у плетня,
Вспомню, сколь я бывала злой,
Если взгляды не на меня
Замечала, а в них — азарт
Тот охотничий, боевой.
Для котяры жизнь — вечный март.
Но и я ведь — не рядовой
Поджигатель мужских сердец.
Вновь сумею тебя пронять.
А на силу золотых колец
Буду в старости уповать.
А сейчас важно всё до крох -
И походка, и макияж.
Верю, что я услышу вздох,
Мол, весь мир за меня отдашь.

***

Я разумно решила: нет!
Быть не может любви меж нами!
Гнать пыталась амурный бред
Из души своей батогами.
И запрет любовным словам
Обоюдным скреплен неверьем.
А душа убежала к Вам
И скулит под Вашею дверью.

***

Помню пристальный его
Взгляд,
Помню речь с моей душой
В лад
И внушительный размах
Плеч.
Вот бы рядом с ним в ночи
Лечь,
Чтоб до сеточки морщин
Люб,
Был на уровне моих
Губ.

***

Об одном прошу тебя: «Будь!
Пусть не рядом, но где-нибудь
Здесь, под небом лазори нежной,
Средь лесов зеленых иль снежных!»
В бедах, радостях бытия
Об одном заклинаю я:
«Будь! И пусть от меня вдали,
Ты мне нужен поверх земли!»

***

Кабы нам с тобой да пораньше
Встретиться так
На десяток-другой годков,
Мы, как с пани пан,
И как с ханом ханша,
Иль, как в деревне родной крестьяне,
Жили б, вставая с зарею ранней,
Поднимали деток бы
Семь али пять ротков.
Был бы наш дом не пуст,
Но не богат, конечно,
Главное то, что с уст
Слов не слетало б грешных,
Мол, не мила нам жизнь —
Некогда, знай — трудись.
Пили б вино не с горя,
Не от тоски пустой,
Что душу разъела ржой,
Пели б, ветрам залетающим вторя,
Мы «При лужке...» да «Златые горы»,
Как певали отцы и матери,
Собравшись за праздничной скатертью
Всею большой родней...
Если бы нам с тобой,
Если бы нам с тобой...
Милый, потеряно столько времени
Даром, попусту, как в песок.

Но не бродяги ж без роду-племени!
Помним и чтим, из чьего мы семени,
Значит, в том был урок.
Значит, такая нам доля-долюшка:
Сперва хлебнуть до избытка волюшки,
С потом смывая пыль долгих чужих дорог,
Копоть и соль, и чужие запахи,
Чтобы вернуться сырыми птахами,
Грешными, каяться
К отчему дому,
На милый родной порог.

***

Если б самой мне решать,
Где придется тонуть,
Я бы выбрала небо —
оно так безмерно глубоко.
Есть лишь надежда,
Что в час свой урочный душа
Сможет туда вознестись,
И не будет она в синеве одинока.
Ныне тону в суете, беготне, в мелочах,
Быт волоку на себе,
Словно камень сизифов...
С радостью я б утонула в любимых очах,
Но они далеки!
Даже небо мне кажется ближе...

***

К надменности отчаянья привычна,
Я знаю: друг мне лжет!
Печется обо мне. Нет, не цинично,
Наоборот!
Онкологам доверился всецело
И гонит прочь
Меня, как будто не сумела б
Ему помочь.

И оправданья благородно глупы:
«Ты молода!»
И мне одной тоску уныло, тупо
Слагать в года.

В моем предположеньи — святотатство,
Но мнится мне:
То от меня он выдумал скрываться
В монастыре!

Молюсь, кричу уже ему вдогонку:
«Пусть разлюбил!
Да прячься ты хоть в дебрях Амазонки,
Но только б жил!»

Ему же — вновь переливанье крови,
За кругом круг.
О если б верой да усилием воли
Прогнать недуг!

Но верую: вдвоём нам было б проще —
И в ад, и в рай.
И крик мой осень на ветру полощет:
«Не прогоняй!»

МОЛИТВА О ПОЭТЕ

Что перед вечностью жизнь одного человека?
Все мы предстанем в свой час пред Твоими очами.
Боже, прошу, дай поэту еще четверть века,
Не торопи, умоляю, его расставание с нами.

Миг для Тебя и не более, эта отсрочка.
Боже, прости, не понять мне Твоих испытаний:
Споря с недугом, выводит он строчку за строчкой,
Я же с трудом удержаться могу от рыданий.

Чую, под окнами бродит старуха с косою,
То приближаясь вплотную, то вновь отдаляясь.
Снова несчастья широкой пошли полосой,
Силы его да и веру в Тебя отнимая.

Реанимация, ангелы в белых халатах...
И каждый день для него превращается в битву,
Битву за жизнь в одиночной стерильной палате...
Как я боюсь навредить неумелой молитвой!

Здесь, на земле, он любим. Боже, дай ему годы!
Лучших из лучших и так уж собрал Ты немало.
Не допусти, чтоб поэта сломили невзгоды,
А ведь ему подошла б седина аксакала!

Боже, прости, мои мысли сумбурны и грешны,
Я кроме слов и любви, ничего не имею.
Я умоляю: не делай прощанье поспешным
Лишь об отсрочке прошу, а о большем не смею.

СОРОКОУСТ

на два голоса

Елена Гостева:

Где ты сейчас, мой друг,
Сколько прошёл кругов?
Я научилась вдруг
Жить по закону вдов.

Сверху стакана хлеб
Чёрный уже засох.
Чёрной каймою креп...
Свечки последний вздох...

Хочется выть, кричать:
«Пламя, не умирай!»
О если б точно знать,
Принят ли в светлый рай?

Петр ли с ключами в руках
В Царство врата открыл?
В перистых облаках
Росчерки чьих-то крыл...

Звездный вдыхаю свет
И вопрошаю: «Где?»
Но для меня ответ —
Вилами на воде...

Андрей Бениаминов:

Вилами по воде:
Только негромкий всплеск.
Где? Может быть везде:
Мало ль на свете мест.

Может быть, этот снег?
Или вон та звезда?
Время замедлит бег,
Что б он дошёл туда.

А сквозь разрывы туч
Вновь к куполам церквей
Тянется тонкий луч.
В пятницу сорок дней...

Елена Гостева:

Он всё шутил: взлечу
к Малой Медведице.
Тоненькому лучу
проще.
Не пленница
суетной злой земли
ныне его душа.
В звездный чертог вдали
Мчится ль, как обещал?
Или Господь другой
путь для него избрал?
Только бы в жизни той
больше он не страдал!

***

Опустошеньем души замещается боль...
Жизнь проиграла,
сдала смерти новую пешку.
Та приняла это с самодовольной усмешкой.
Не поглупела ль ты, жизнь?!
Приглядишься. Он — король!
Разве достоин подобный удел короля -
Быть в непонятной игре
Лишь разменной монетой.
Ведь столько гнусных людишек гуляет по свету,
Все ужасаются:
«Как же их носит земля?»
Ну а его почему не могла сохранить?
Жизнь, я не верю, что чудо тебе не по силам!
Смерть ли настойчиво ценную жертву просила,
Или случайно была перерезана нить?
Жизнь, ты слепая!
Как могла ты такого отдать
Вечно голодной?
Сожрала ведь, не поперхнулась.
Небо прогнулось.
Гляди, появилась сутулость
Даже у стен, что со мною, качаясь, скорбят.

***

Утопить свою тоску не получится,
Не настолько я, мой милый, мудра.
Память, словно приживалка-попутчица,
Разбирает старый скарб до утра.
Хлам и тлен, а для неё — в злате-серебре
Да в камнях дорогих фолиант.
Горя горького в минувшем немеряно,
Душу выгранит оно, как брильянт.
Из прошедшего страницы пергамента
Тлеют сразу за горящим пером,
Прочитать их можно только по памяти
В час, когда луна дрожит за окном.
Пред глазами все страницы истлевшие
Проплывают, шелестят имена.
А сквозь них глядят с земли улетевшие
Да туманные судеб письма.

Мне б узнать, с теплом или с укоризною
Смотришь, как я без тебя здесь живу.
Не убавить боль-тоску пышной тризною
И ответ не получить наяву...

ИЗ БЕЗУМНО ДАЛЕКОГО ДАЛЕКА

Ты сегодня в ударе, твой дерзкий смех
Растревожит и мертвого. Как любил
Не святую, но светлую! Знаю — грех,
Грех — то, что я так мало с тобою был.

Вот с отчаяньем, словно стремишься в ад,
Соблазняешь, танцуешь... Не обманись!
Ты поверь мне, что лучшая из наград
В ослепляющей вечности — это жизнь!

И когда разудалый пройдёт кураж,
Не корись и волчицей в ночи не вой.
Я не волен, горчайшая из пропаж,
А для Бога рыдания — не впервой...

Нежным лучиком, ласково по щеке
я поглажу. Ревную... Но боль сильней.
Потерявшая землю в шальном пике,
не сорвись в пучину из чёрных дней.

Из безумно далекого далека
Заклинаю, родная: люби, живи!
Отделили не версты и не века
от последней, от сладкой моей любви...

Я и сам иногда начинал кутить;
Знаю, тусклые будни страшной огня.
Я и сам среди вас мог бы жить да жить,
Но не вышло...
Прости, вспоминай меня.

***

Время года неизвестно нам с тобой,
неизвестны век и звёзд расположе́нье,
где богами иль скучающей судьбой
будет дан нам шанс проверить притяже́нье
наших душ и тел в реальности друго́й.

Вновь узнаем ли друг друга среди толпы?
Как наивны пред веками обеща́нья —
(амфибрахия и ямба две стопы), —
что столь искренне звучали при проща́нии.
Впрочем, любящие все чуть-чуть слепы.

В горько́й памяти оставшихся живут
в землю сшедшие опавшею листво́ю.
А у душ в туманном мире свой приют.
Неужели за означенно́й черто́ю
встреч с любимыми не ищут и не ждут?

Ход игры случайных числ не угадать.
Знать бы, кто имён колоду там тасует!
Я надеюсь: вместе в мир земно́й послать
Вновь возможно, или я мечтаю всуе?
Я мечтаю, но кого мне умолять?

СИЛЫ ПРОШУ

Кануло, минуло, сгнуло счастье,
Снегом засыпано, смыто дождем...
Боже, прошу я не денег, не власти,
Силы мне дай не отыскивать дом
Новый под каждой покатою крышей,
Свет и спасенье — в крикливой толпе,
В просто прохожих — дарованных свыше
Спутников на сиротливой тропе.
Просто прохожие мимо проходят
Взглядом, в себя устремлённым, скользнут,
Здесь одиночество всем хороводит,
Пут безучастия не разомкнуть.
Верных друзей разбросало штормами
За океаны да в небытие.
В наспех побеленном стареньком храме
Затхло, как будто сам воздух гниет.
Бог ли глядит с обновленной иконы,
Или его подменили другим?
Можно покрасить и мертвые кроны,
Но оживут ли они, как хотим?
Силы прошу, но что слышит Всевышний?
Иль от меня жертву новую ждёт?
После пожарища на пепелище
Даже крапива не сразу растёт...

***

Боль не пройдет. И склонятся сады
От горькой желтизны осенних дум,
Несобранные спелые плоды
Падут в листву, что поглощает шум.
Покорные, как листья и трава,
Наполнят сочным соком перегной,
Чтоб проникая в корни и слова,
Подняться к почкам раннею весной.

Увидев утром яблоневый цвет -
Гимн обновленных по весне садов.
Быть может, я пойму, что боли нет,
Есть вечная печаль и горечь снов.

*«Оттого, что лес - моя колыбель,
и могила - лес...»*

Марина Цветаева

ВОЛЧЬЕ

Два безумца, на жизнь обозлённые,
Волк с волчицей — ведь это же мы! —
Помнишь, как пробирались, бездомные,
В лес вдоль каменной чёрной стены.
Дождь хлестал, мы искали укрытие,
И дразнили нас жизнью иной
Песни, смех, вин и мёдов распитие,
Звон бокалов в тепле, за стеной.
Нам, клыкастым, дороги заказаны
В тот, собою довольный мирок.
Не любовью — изгнанием связаны,
Не могли мы ступить на порог
Между светом и тьмой. Да и надо ли?
Дождь и снег, в небесах — круговерть,
И казалось, что все муки адавы
Обложили нас, гонят на смерть.
Всё ж, зубами от холода клацая,
Обходя, как предателя, свет,
Проскользнули мы сквозь декорации
Человеческих мнимых побед.
Вещи, запахи — сплошь иноземные,
Голоса по-иному звучат.
Или те, что здесь жили — все пленные?
Иль умом стали люди мельчать?

Мы нашли себе новое логово,
В глухомани, доступной лишь нам.
И свое люди губят, и богово,
Лес по-прежнему служит волкам.
Он служил бы и людям, как в древности,
Если б чтит законы его.
И готовимся мы к неизбежности
Новых схваток за жизнь — кто кого?

***

Привыкай к этим грубым одеждам — шелков-ситцев нет.
Шкуры диких зверей, вот и всё, что старик нам оставил.
Сам, бывало, что в облике волка встречал он рассвет,
если здесь чужаки начинали охоту без правил.

Неразумных зверей от погонь уводил за флажки,
и ветра, как ручные, стихали иль бешено дули.
...Ревматизм его мучил, неточными стали прыжки,
Насадил своё сердце на вертел серебряной пули.

Сын мой жаждет отмщенья. Беда, что он слишком горяч.
Полюби его, милая, будет вдвоём веселее.
Не уйдёт от заслуженной кары заезжий палач,
я сама его выслежу и — стисну зубы на шее.

Очумели все люди, узнав, что старик наш убит,
неспроста ж тебя тётка отправила к нам, нелюдимым...
Научу ладить с ветром, обличье менять, в тайный скит
уходить, проскользнув перед носом врага сизым дымом.

Будешь ты лес хранить. Я тебя научу понимать
шёпот листьев и трав, родниковые тайны открою...
А когда на охоту я выйду — не надо мешать.
Коль судьба, так вернусь. Ты следи за моею звездой.

***

С души моей сорвали кожу,
Она — нагая, но не смей
Мне говорить, что я похожа
На сумасшедших. Все сильней
Я чувствую на расстояньи
Биение людских сердец,
Чужую радость и страданье,
Словно дыханье Бога жрец.
Душа страдает от вторженья
Чужих мне дум, но не солгу
Оголена, под напряженьем,
И ваш покой взорвать смогу.

ВРАГ МОЙ

Враг мой, темницу мою открой,
Душит меня тюрьма.
Враг мой, демон, мой гений злой —
Это все я сама.
Сама себя держу взаперти,
Стальную сладила клеть,
Быть вольной хочу, но боюсь уйти
Из клетки и — захмелеть.
Не знают люди, какой обман
В моих ледяных глазах,
Что дикий ветер из дальних стран
Жду я в своих тайных снах.
Он дышит зноем в моем окне,
Настойчиво манит ввысь
И сладко шепчет: “Доверься мне,
За ложный стыд не держись,
Тебя никто, как я, не поймёт,
Душа твоя мне близка,
Впусти, разбей предрассудков лёд,
Ведь знаю — гложет тоска”.
И я держусь. Дом мой льдом забит,
Рассвет одинок и хмур.
Но рядом, рядом уже горит,
Искрится бикфордов шнур...

***

Было, было новоселье да не ко двору,
Невеселое похмелье во чужом пиру.
Было, было — принимали, и ломился стол,
Да вот сколь ни наливали — разговор не шёл.
И следил тяжелым взглядом за чужой игрой
Опоённый сладким ядом богатырь хмельной.
Встать бы молодцу, ударить кулаком в косяк,
Чтобы стены зашатались, чтоб спужался враг.
Но шептал на ухо кто-то: «Всем нам на покой!»
Не сумел под этот шёпот шевельнуть рукой.
... Было, было новоселье да не ко двору,
Невеселое похмелье во чужом пиру.
Там не люди пировали, а старуха-смерть
Да ее поручных стая — бесов круговерть...

Что творилось там с народом,
даже и припомнить страшно.
Обезлюдел край: тот выжил, кто отсель убёг.
И боится вновь пролить чародейственное брашно,
И заклятья закрутила в путаный клубок.
А остудит, усмирит, разольет по тёмным склянкам,
Будет мертвым и живым ведьмино питье.
Может, всех и воскресит?
Может, встанем спозаранку:
Возродился край, поет?
Эх, кабы знатьё...

***

Не желай — жалею... Погода скверная.
Слышишь, завывает за окном?
Визги, свисты, ветра всхлипы нервные
Волчьим воем окружили дом.
Снега — не завалы, а завалищи,
Вихри кружат, не видать ни зги!
Знать бы, все ль бродяги сотоварищи
Спрятаться успели от пурги?
Коль в пути застряли люди местные,
Чаю, кержаки не пропадут.
Ну а вдруг залётные, безвестные —
Что от них весной в тайге найдут?

Не желай — жалею... Житуха скверная,
Но об этом лучше помолчу...
Перед ликом Ксении Блаженная
Я затеплю тонкую свечу.
 Попрошу, чтоб помогла всем грешным
В снежной кутерьме не заплутать,
Чтоб когда проглянет солнце вешнее,
Не пришлось нам зиму проклинать.

***

Верили, кликали,
грезили: «век — друзья!»
Но с повиlikoю,
верь мне, дружить нельзя.
Ласково стелется,
стебель опутанный...
Ведьма иль девица?
Не пересудами
эта любовь страшна.
Не сердобольная,
Выпьет тебя до дна,
Кинет довольная.
Слеп ты? Она ж полна
чёрными мыслями.
Нет, не уйдёт она
тропами лисьими,
ежли не выпита
вся твоя кровушка.
Сам убегай, спасай
буйну головушку...

*«Мечтатели, сибиллы и пророки
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли - вне сознания - далеко...»*

Валерий Брюсов

***

«Мечтатели, сибиллы и пророки»,
Слепцы... (Как ни зови, всё будешь прав),
И платят непомерные оброки
За то, что в слово облакают явь,

За то, что возомнили, будто крылья
имеют, и подвластен им эфир,
И что поэтов дерзкие усилья
Улучшить могут этот грешный мир.

А славят или отрицают Бога -
Всё истово, в словах и страсть, и пыл.
Но ничего сильнее Декалога
Пока еще никто не сочинил.

И полнится бедой сосуд скудельный,
Фортуна от «сибилл» воротит нос.
Тюрьма иль нищета и богадельня
Тем, чьи слова восприняты всерьез.

***

Я знаю, все беды б минули,
Мне б только разумней жить,
Да вот стихи горлом хлынули,
Нет сил их остановить.
И все дела из рук валятся,
И все идет кувырком,
В стихах хрипит, задыхается,
Словно в чаду, мой дом,
И все грехи мои на виду,
И строг ко мне Божий суд.
В какую ж еще лихомань-беду
Стихи меня занесут?

***

Какие могут быть придирки?
Ничью не слушаю хулу.
Стихи берут меня за шкуру
И силой волокут к столу.
Они и лечат, и лупцуют,
Они отводят время сну.
Они созрели и диктуют,
Я, как на ниве, только жну.

Памяти Риммы Казаковой

«Постарею, побелею, как земля зимой»* —
Ну не кокетка ль? Ведь знала, как трудно представить
Будет брюнетку и старой, и снежно-седой.
Но вот строка, и попробуй в ней что-то поправить!

Не изменить, не вернуть. «По законам светил»**
В высь вознеслась, оставляя вопрос без ответа.
В небе высоком лишь тонкие росчерки крыл.
Может, ее иль ушедшего раньше поэта?

Бог созывает к себе одного за другим...
Иль Он турнир поэтический в небе наметил?
Иль крылья ангелов стерлись, истрепаны в дым,
Выбрал в помощники ангельской рати поэтов?

Здесь, на земле, те поэты сквозь лепет минут,
Шумные споры, свист ветра, кипенье эмоций
Слышали Господа голос и ангелов — не подведут.
...А в нашем мире печаль и «смещение пропорций»***

2008 г.

Строчки из стихов Риммы Казаковой:

* «Постарею, побелею, как земля зимой»

** «Сквозь вселенную конопатую,

Чем бы ты меня ни смутил,

Я лечу, верчусь и не падаю по законам светил...»

*** «Любовь всегда — смещение пропорций...»

НЕСПОСОБНОСТЬ

Неспособность ходить по воде,
Невозможность взлететь к облакам
Неумение выйти за грань
Допустимого.
Логика — царь!

Да, тюрьма, но и стержень внутри,
И уверенна поступь вперед.
Но — тоскующий взгляд в небеса:
Ну а всё-таки, как оно — там?

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Юргенсон	
Под диктовку времени.....	3

I

«Россия - она не вокруг...».....	11
«А давай-ка пройдем пешком...».....	12
Ночь.....	13
«У кромки небес на восходе...».....	14
Подле церкви.....	15
В храме.....	16
«В почерневшем старом доме...».....	17
Печаль о доме.....	18
Сосед-фронтовик.....	19
Осенняя дорога.....	20
«Хлеба должны созреть...».....	21
«Мы здесь не святые, нет...».....	21
Кочевья.....	22

II

«Февраль. Достать чернил и плакать...».....	25
«Там, на уровне моих глаз...».....	26
Белые ночи.....	27
«Друг друга отражают зеркала...».....	29
Вирус.....	30
«И только небо здесь то же самое...».....	31

Масленица.....	31
«Поздний вечер, иль утро раннее...».....	32
«Звёзды напоточили...».....	32
«Подосиновиков нет в том осиннике...».....	33

III

Плач.....	35
«Я жадно вглядываюсь в лица...».....	37
В поисках Бога.....	38
На площади Минутка.....	40
Письмо в Калифорнию.....	41
«Прочь, суета и все мысли досужие...».....	43
«Жизнь — обман с чарующей тоскою...».....	44
Отпуск в Абхазии.....	45

IV

«Мне нужно на кого-нибудь молиться...».....	47
Осенний романс.....	48
«Кроме запертых комнат...».....	49
«Из слов не нужно городьбы».....	49
«Никуда не укрыться от...».....	50
«Я разумно решила: нет!».....	51
«Помню пристальный его взгляд...».....	51
«Об одном прошу тебя...».....	51
«Кабы нам с тобой да пораньше...».....	52
Не покидай меня.....	54
«Если б самой мне решать...».....	55
«К надменности отчаянья привычна...».....	56
Молитва о поэте.....	57

Сорокоуст.....	58
«Опустошеньем души замещается боль...».....	60
«Утопить свою тоску не получится...».....	61
Из безумно далёкого далека.....	62
«Время года неизвестно нам с тобой...».....	63
Силы прошу.....	64
«Боль не пройдет...».....	65

V

Волчье.....	67
«Привыкай к этим грубым одеждам...».....	68
«С души моей сорвали кожу...».....	69
Враг мой.....	70
«Было, было новоселье да не ко двору...».....	71
Колдунья.....	72
«Не желай — жале́й... Погода скверная...».....	74
«Верили, кликали...».....	75

VI

«Мечтатели, сибиллы и пророки».....	77
«Я знаю, все беды б минули...».....	78
«Какие могут быть придирки?».....	78
Памяти Риммы Казаковой.....	79
Неспособность.....	80

200р00к

Литературно-художественное издание

Гостева Елена

На качелях времени

Стихи

Дизайн обложки, верстка Р. Н. Шайхулова

104300001

Регион ЦБ-КО

Подписано в печать 05.05.2022 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,78. Авт. л. 2,8.
Тираж 300 экз. Заказ № 502.
АО «Тюменский дом печати»
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
Тел. (3452) 56-56-50

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока**

**Вы можете продлить книгу:
<http://www.megionlib.ru>**

